

Сергей ИВАНОВ,
доцент кафедры философии
Института гуманитарного образования
Санкт-Петербургского государственного университета,
канд. филос. наук, доц.

ПРЕДШЕСТВОВАЛО ЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ НОВОМУ ВРЕМЕНИ?

Для философии главным критерием, позволяющем судить о внутреннем родстве явлений и их возможной преемственности, является онтология. Если онтологические основания едины, значит, явления вполне сопоставимы между собой, несмотря даже на внешнюю несхожесть или наличие между ними временной разделённости. Если онтология различна, то ни формальное сходство, ни присутствие в общем временном интервале не позволяют считать, что одно явление выступает причиной другого.

Сущностным содержанием Ренессанса являлся умеренно-реалистический взгляд на действительность, закреплённый и поддерживаемый идеологией томизма. Онтологической основой Реформации и Нового времени был номинализм. Хотя Реформация и вышедшее из неё Новое время следовали за эпохой Возрождения, в мировоззренческом аспекте между ними не было ничего общего — «*Post hoc non est propter hoc*» (После этого, не вследствие этого (*лат.*)). Доказательством этого утверждения является то, что возрожденческий гуманизм и главные направления Реформации (и виттенбергское, и швейцарское) совершенно по-разному подходили к таким важнейшим мировоззренческим областям как Святое писание, учения Отцов Церкви, схоластическое богословие, образование и, наконец, сама риторика — в одном случае способствовавшая искусному красноречию; в другом — превратившаяся в средство продвижения революционных идей. Когда А. Ф. Лосев, тем не менее, указывал (причём, совершенно справедливо), что в Ренессансе уже отчётливо проступали элементы индивидуалистического протестантизма¹, а Вернер Зомбарт называл Флоренцию XIV–XV столетий «Вифлеемом капиталистического духа» [1, с. 175],

это, в понимании автора, могло свидетельствовать только об одном: две эпохи зародились практически одновременно и развивались параллельно, лишь соприкасаясь друг с другом пространственно. Через это делается понятным, почему в XV в. духовность столь тесно соседствует с меркантилизмом и торговашеством, а живопись и скульптура, художественная наука в целом при воспроизведении человека и природы полагаются не столько на глазомер, сколько на опыт и анатомию. В товарном обращении резко возрастает доля не продуктов труда, а людских услуг, свойств и знаний. Невиданных масштабов достигают проституция, наёмничество, торговля доходными должностями.

Временной фактор, вследствие которого Новое время представляется нам наступающим после Возрождения, — это отнюдь не абсолютная величина, но лишь показатель относительной скорости развития, совершающегося в двух различных культурных измерениях. Ренессанс, выросший из идеологии томизма, стоял ближе к Средневековью в мировоззренческом отношении, и даже сам был частью Средневековья, его последним и завершающим штрихом. Можно сказать, что в нём выразился результат долгого аккумуляирования сил перед «стартом», что и позволило Возрождению ненадолго вырваться вперёд.

Новое время было не столь спешно в своём утверждении, но более основательно. С самого начала оно не стремилось к покорению вертикали. Своей стихией Новое время избрало не небо, но сушу и воды морские. Его метафорой стали параллели и меридианы — горизонталь предназначенного для торговых операций пространства. Идеино питавший Новое время номинализм набрал силу и приобрёл сторонников не дерзновением мысли и великолепием предлагаемых социальных или художественных конструкций. У номиналистического воззрения вообще было мало точек соприкосновения с аристократией духа,

¹ При этом Лосев делает уточнение, что «протестантизм без многих, и притом весьма существенных, оговорок не может быть относим к Ренессансу, поскольку все ведущие деятели Ренессанса сохраняли связь с католической церковью, а протестантизм был отпадением от церкви и от папства. Правда, совмещать идеи папского кардинала Николая Кузанского или католического священника Марсилио Фичино с идеями Лютера и Кальвина в какой-то мере можно и даже нужно. Но как именно это можно было бы сделать при обычном некритическом употреблении таких терминов, как «церковь», «личность», «протестантизм» или «реформация», — вопрос до чрезвычайности трудный, решение его требует огромных усилий от исследователя» [2, с. 52].

блиставшей умом и воображением, стремившейся к истине и красоте, но слишком часто не способной довести свои стремления до целостности системы или завершенности действия (сколь показательно здесь творчество Бенvenuto Челлини и Микеланджело, бульшая часть трудов которых так и осталась в проектах или эскизах). Всему этому номинализм предпочитал плебейскую сосредоточенность и рассудочную практичность, заранее просчитывающие последствия и безусловно доводящие всякое начинание до конца.

Однако география Нового времени — это не только открытие далёких континентов. Она начиналась с Европы и была тесно переплетена с понятием национального характера. Начало книгопечатания, превратившее искусство переписи из сакральной передачи Слова Божьего и надвременных смыслов в технологический процесс, ориентированный на «сбыт» и «рынок», неслучайно зарождается ни где-нибудь, а в Германии (1450–1455). А вот на родине Ренессанса — в Италии — это начинание было встречено крайне неприязненно. Так, знаменитый гуманист и меценат Федерико, герцог Урбино (1444–1482) отказывался иметь в своей библиотеке печатные книги, а один из создателей ренессансного рукописного почерка каллиграф Веспасиано Бистиччи (1421–1498) в 1482 г. и вовсе вынужден был отойти от дел, расстроенный размахом книгопечатной деятельности. В этой связи нельзя не заметить, что ареал тех процессов в культуре, которые ошибочно именуют северным Ренессансом, и пространственный ареал будущей Реформации почти идентичны. Этот факт не стоит игнорировать, он симптоматичен и является весьма существенным подтверждением высказанного выше тезиса о одновременности и территориальном «соседстве» двух различных эпох. В этом смысле, Гуттенберг — персонаж уже совсем не возрожденческий. Он целиком принадлежит Новому времени, является одним из его деятельных подготовителей.

Вслед за Гуттенбергом мы видим нескончаемый ряд имён первопроходцев, изобретателей, учёных, деятельность которых олицетворяет торжество разума и прогресса. Тем не менее, подлинной стихией номинализма следует считать не гениальность прославленных одиночек, но пресловутый «*common sense*» — здравый смысл (*англ.*), для которого всякое дерзновение, выходящее за пределы требований рассудка — это род глупости. С самого начала номиналистическое мировоззрение было притягательнее не для элиты, а для масс, готовых довольствоваться простыми и удобными объяснениями, не требующими особо-

го приложения интеллектуальных усилий и лстящими их самолюбию. Публичные диспуты в средневековых университетах, собиравшие сотни зевак, предваряли будущие парламентские «баталии», а теологическая аргументация, подкреплённая отточенной схоластической логикой, становилась идейным базисом грядущей научной революции и переоценки ценностей в культуре. Чисто гипотетически: даже если бы Возрождение не состоялось, номинализм всё равно привёл бы к Реформации как к своему неизбежному следствию.

1. *Зомбарт В.* Собр. соч.: В 3 т. / Пер. с нем. — СПб., 2005. — Т. I: Буржуа: К истории духовного развития современного экономического человека.

2. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. — М., 1982.